

В.В. Табунов
Могилев

ПОЛОЖЕНИЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА СОГЛАСНО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В конце XIX – начале XX столетий население белорусских земель, входивших на тот момент времени в состав Российской империи, было поликонфессиональным. Согласно данным переписи 1897 г., большинство жителей – 5120667 человек, что составляло около 60% от общей численности населения, исповедовало православие. Положение и деятельность православной церкви в российском государстве регулировалось законодательными актами.

Отличительной чертой законодательства Российской империи являлось то, что оно обеспечивало не свободу веры, а только веротерпимость [1, с. 51]. Закон разрешал исповедовать все религии, кроме «изуверческих» (скопцы, хлысты), но при условии, что они «благословляют царствование Российских монархов» [2, с. 9-10]. В соответствии с законодательством Российской империи, на все «места и лиц, имеющих начальство по части гражданской или военной», возлагалась обязанность предупреждать и пресекать всеми «зависящими от них средствами» различные действия, «клонящиеся к нарушению должного уважения к вере». Администрации на местах также вменялось в обязанность оказывать «нужную защиту и пособие» всем «свободно исповедуемым в империи религиям», а полиции – охранять «свободы иноверных, признанных правительством, исповеданий» [3, с. 50].

Официально провозглашенное равенство всех религий в империи на деле существовало лишь формально. Все религии, действующие в стране, делились на три группы: 1) государственная религия (православие); 2) покровительствуемые религии (католицизм, ислам, иудаизм); 3) нетерпимые религиозные организации (духоборы, скопцы, хлысты, молокане и другие секты) [4, с. 135].

Правовое пространство в области религиозного законодательства определялось особым положением православной церкви [5, с. 98]. Статья 40-я Основных законов гласила, что «первенствующая и господствующая в Российской империи вера есть христианская православная католическая восточного исповедания» [6, с. 9]. Главным образом первенство православной церкви выражалось в том, что российский император не мог «исповедовать никакой иной веры, кроме православной». Закон возлагал на него обязанность «быть верховным защитником и хранителем догматов господствующей веры и блюстителем прав веры и всякого в Церкви святой благочиния» [7, с. 10]. В управлении православной церковью верховная власть действовала через Святейший Синод [8, с. 10]. Особенность положения православной церкви в значительной степени определялась тем, что обер-прокурор при Синоде с 1835 г. получил права министра, благодаря чему он стал посредником между церковью и верховной властью. Все дела, касающиеся православного духовного ведомства, представлялись в высшие государственные учреждения и императору непосредственно через обер-прокурора [9, с. 98], который, таким образом, стал фактическим правителем церкви, осуществляя наблюдение за ней при помощи централизованного бюрократического аппарата.

Господствующее положение православной церкви выражалось в том, что неправославному духовенству запрещалось «прикасаться к убеждению совести не принадлежащих к их религии», допускать «заведомо православных» к таинствам своей церкви [10, с. 42]. Рожденным в православной вере и тем, кто в нее перешел, не разрешалось принимать другую веру. Зато поощрялся переход из любого другого вероисповедания в православие. Для разрешения же перехода из одного в другое «инославное христианское исповедание» требовалось разрешение министра внутренних дел [11, с. 8, 15, 16].

Это не было пустыми декларациями: по статьям, предусматривавшим наказание за религиозные преступления, в Российской империи в 1894-1903 гг. был осужден 4671 человек [12, с. 58].

Следует заметить, что такая позиция православной церкви не была исключительной. В соответствии с нормами канонического права всякая церковь не допускает для лиц, к ней принадлежащих, свободы выхода и перехода в другое вероисповедание, не считая такой выход правомерным актом [13, с. 99].

Брак «православного лица с иноверным» не признавался действительным до тех пор, «доколе не совершится в Православной церкви и православным священником». Перед бракосочетанием «православного лица с иноверным» с последнего православным священником бралась подписка о воспитании детей от этого брака в православной вере [14, с. 9-10]. Детей неизвестных родителей разрешалось крестить только в православной церкви [15, с. 41].

Привилегированность православной церкви выражалась также и в принадлежащем ей исключительном праве проповедования своего вероучения [16, с. 14].

Официально отмечались только праздники православной церкви. В эти дни государственные учреждения и учебные заведения были закрыты, запрещалось совершать наказания по судебным приговорам. К праздничным дням в соответствии с законом были отнесены все воскресные дни в году, все двунадесятые праздники, некоторые дни памяти святых, а также дни рождения и тезоименитства императора, императрицы, наследника престола, дни восшествия на престол и коронация [17, с. 43, 44].

В самой православной церкви существовала иерархия, каждое звено которой имело свой круг обязанностей, что, однако, не обеспечивало невмешательства вышестоящих органов в дела подчиненных.

Духовенство, являясь связующим звеном между властями и народом, в начале XX столетия уже не оказывало серьезного влияния на свою многомиллионную паству. Генерал А.А. Киреев, отмечая религиозность народа, вместе с тем констатировал: «... когда он видит, что церковь дает ему камень вместо хлеба, да требует от него "формы"», то он думает, что «все это торжествование рухнет перед первой умелой проверкой» [18, л. 173об.].

Была утрачена связь с духовенством и в «высших кругах» общества, где «крепко жила идея, что государство выше всего». Придворным кругам подражали круги аристократические [19, с. 210].

Подчиненное положение церкви вызывало недовольство части духовенства. Причем ответственность возлагалась на правящие круги, требующие к тому же от священников точного выполнения своих обязанностей и беспрекословного подчинения вышестоящим инстанциям [20, с. 777-778].

Таким образом, в конце XIX – начале XX века православная церковь на белорусских землях, входивших в состав Российской империи, наделенная статусом «первенствующей», занимала доминирующее положение по сравнению с другими христианскими вероисповеданиями, что, однако, не обеспечивало невмешательства в её внутренние дела государственных органов. Последнее вызывало недовольство определённой, наиболее прогрессивной части духовенства, требовавшего проведения реформ института церкви.

Литература:

1. Волхонский, М.А. Национальный вопрос во внутренней политике правительства в годы первой русской революции / М.А. Волхонский // Отечественная история. – 2005. – № 5. – С. 48-63.
2. Свод Законов Российской империи: в 13 т. Т. 1. Ч. 1. Основные государственные законы. – Санкт-Петербург: Издание Кодификационного отдела при Государственном Совете, 1892 г. – С. 1–73.
3. Ключков, В.В. Закон и религия: от государственной религии в России к свободе совести в СССР / В.В. Ключков. – Москва: Политиздат, 1982. – 160 с.
4. Табунов, В.В. Политика царского правительства в национально-религиозном аспекте на белорусских землях во второй половине XIX – начале XX века / В.В. Табунов // Куляшоўскія чытанні: матэрыялы Міжнар. навук. канф., 11-12 снеж. 2003 г.; адк. рэд. М.І. Вішнеўскі. Тэзісы дакладаў: у 2-х ч. Ч. 2. – Мэгілёў: МДУ імя А.А. Куляшова, 2004. – С. 134-136.
5. Бендин, А. Религиозная толерантность в Российской империи как этнообразующий и консолидирующий фактор (вторая половина XIX – начало XX вв.) / А. Бендин // Кафоликия: сб. науч. ст.; под ред. А.В. Данилова. – Минск: Тесей, 2003. – С. 96-108.
6. Свод Законов Российской империи в 13 т. Т. 1. Ч. 1. Основные государственные законы. – Санкт-Петербург: Издание Кодификационного отдела при Государственном Совете, 1892 г. – С. 1–73.
7. Свод Законов Российской империи в 13 т. Т. 1. Ч. 1. Основные государственные законы. – Санкт-Петербург: Издание Кодификационного отдела при Государственном Совете, 1892 г. – С. 1–73.
8. Свод Законов Российской империи в 13 т. Т. 1. Ч. 1. Основные государственные законы. – Санкт-Петербург: Издание Кодификационного отдела при Государственном Совете, 1892 г. – С. 1–73.
9. Бендин, А. Религиозная толерантность в Российской империи как этнообразующий и консолидирующий фактор (вторая половина XIX – начало XX вв.) / А. Бендин // Кафоликия: сб. науч. ст.; под ред. А.В. Данилова. – Минск: Тесей, 2003. – С. 96-108.
10. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных / Свод Законов Уголовных. Ч. 1. – Санкт-Петербург: Государственная типография, 1885. – 413 с.
11. Устав о предупреждении и пресечении преступлений. Т. XIV. – Санкт-Петербург: Издание кодификационного отдела при Государственном Совете, 1890. – 96 с.
12. Ключков, В.В. Закон и религия: от государственной религии в России к свободе совести в СССР / В.В. Ключков. – Москва: Политиздат, 1982. – 160 с.
13. Бендин, А. Религиозная толерантность в Российской империи как этнообразующий и консолидирующий фактор (вторая половина XIX – начало XX вв.) / А. Бендин // Кафоликия: сб. науч. ст.; под ред. А.В. Данилова. – Минск: Тесей, 2003. – С. 96-108.
14. Устав духовных консисторий. – Санкт-Петербург: Синодальная типография, 1883. – 198 с.
15. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных / Свод Законов Уголовных. Ч. 1. – Санкт-Петербург: Государственная типография, 1885. – 413 с.
16. Устав о предупреждении и пресечении преступлений. Т. XIV. – Санкт-Петербург: Издание кодификационного отдела при Государственном Совете, 1890. – 96 с.

17. Цимбаев, К.Н. Православная церковь и государственные юбилеи императорской России / К.Н. Цимбаев // Отечественная история. – 2005. – № 6. – С. 42-52.

18. Дневник Киреева, А.А. / А.А. Киреев // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). – Фонд 126. – Дело 14.

19. Федченков, В. Россия между верой и безверием / В. Федченков. – Москва: АНО «Развитие духовности, культуры и науки», 2003. – 733 с.

20. Почему духовенство молчит? // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1906. – 1 ноября. – № 21. – С. 776-780.